[12] 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография / Под ред. П. В. Ильина. Вып. 1–7. СПб., 1997–2005. На страницах сборника публиковались работы о неизученных тайных обществах, расширялись и уточнялись представления о персональном составе декабристских союзов, вводились в оборот новые материалы об известных и «безвестных» участниках движения, междуцарствии и событиях 14 декабря 1825 г., судебно-следственном процессе по делу декабристов, ставились вопросы о пересмотре историографических концепций советского периода.

[13] *Бокова В. М.* Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. Вып. 88. М., 1995. С. 5–14.

[14] *Цамутали А. Н.* История декабристов: некоторые итоги и перспективы // Мера. 1996. № 1. Декабристский выпуск. СПб., 1996. С. 9.

[15] Декабристы и их время. Труды Государственного исторического музея. Вып. 88. М., 1995; 170 лет назад. Декабристские чтения: статьи и материалы. Труды Государственного исторического музея. Вып. 105. М., 1999.

[16] См. характерный образец поверхностного «сенсационного пересмотра» с переворачиванием оценок при сохранении общих базовых представлений, заложенных советской идеологемой «революционного движения»: *Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета: Декабристы. М., 2001. Кн. 1–2.

[17] См. об этом: *Эрлих С. Е.* Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х — начало 2010-х гг. СПб., 2014.

[18] См.: Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008; Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009; Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб., 2014; Историческая память России и декабристы. 1825–2015. СПб.; Иркутск, 2018.

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00032

О. В. Эдельман

Разговор о декабристах

Декабристские исследования пережили пышный расцвет в 1970–1980-х гг. и затем, уже в постсоветское время, резко сократились в объеме, числе занятых этой темой ученых, количестве выходящих работ. Это вполне банальное наблюдение, прекрасно всем известное, но мне представляется, что некоторые следствия процветания и последующего «схлопывания» декабристоведения заслуживают внимания.

Собственно, аналогичное падение интереса и затухание исследований произошло не только с декабристской, но и шире, со всей историко-революцион-

ной тематикой. Из сферы общественного и научного интереса практически ушли Герцен и Огарев, демократы-шестидесятники во главе с Чернышевским, история рабочего и крестьянского движения, марксисты и особенно их большевистская разновидность и пр. Несколько лучше обстоит дело с народовольцами, о которых писали в связи с актуальностью темы терроризма. На этом фоне судьба декабристоведения выглядит даже неплохо, ведь оно всё же выжило. Падение интереса понятно и объяснимо, историко-революционная тематика была слишком официозной, искусственно поддерживавшейся и насаждавшейся из идеологических соображений, испытывала сильное давление партийной догматики. Усталость от нее понятна, однако в данном случае она сыграла скверную шутку: не произошло очевидно назревшего пересмотра советских концепций. Особенно вопиюще это выглядит применительно к истории большевиков, самой искаженной и фальсифицированной. Вместо ее обновления внимание исследователей оказалось поглощено изучением не существовавшей ранее истории прочих политических партий и движений, действовавших в предреволюционной России. Теперь об эсерах, меньшевиках, октябристах, русских националистах мы знаем значительно лучше, между тем как желающий выяснить, что представляли собой большевики, не обнаружит практически ничего, кроме большевистской же историко-партийной литературы.

На этом фоне, повторюсь, судьба декабристских исследований выглядит неплохо. Более того, оглядываясь на сложившуюся за советское время солидную историографию, следует отметить, что она не столь сильно нуждается в переоценке. Да, работы таких выдающихся авторов, как М. В. Нечкина, несут отпечаток своей эпохи, с ними можно спорить, но их ни в коем случае невозможно отнести к числу идеологизированных фальсификаций. Как ни удивительно для в целом идеологически значимого раздела науки, во все времена появлялись декабристские исследования, не то чтобы шедшие вразрез с господствующей линией, но существовавшие помимо нее, мудро и аккуратно выражавшие взвешенное, обоснованное мнение автора. Трудно счесть устаревшими работы С. Н. Чернова, Б. Е. Сыроечковского, М. К. Азадовскго, Н. Я. Эйдельмана, не говоря уже о Ю. М. Лотмане. (Не случайно, наверное, громко заявленные претензии на создание принципиально новой и «деидеологизированной» истории декабристов оборачивались явным научным провалом.) Более того, декабристоведение наряду с пушкинистикой можно, пожалуй, считать той областью, где создавалась и отрабатывалась методика исторических и филологических исследований, которая по прошествии времени выглядит классической и во многом образцовой — приемы критики источников, археографии, текстологии, широкого архивного поиска и детальной фактографии.

Это фундаментальное научное наследие притом вовсе не перекрывает перспективы дальнейших исследований, нелепо звучат легкомысленные заявления, будто «всё изучено». Всякая новая эпоха ставит свои вопросы, смотрит на вещи иначе, актуализирует другие стороны изучаемого явления. Заметна

трансформация современного исследовательского взгляда на декабристов. Поясню свою мысль следующим примером. Для историков 1920-х гг. важно было доказать «революционный», а не «либеральный» характер декабристского движения, собственно даже определением «движение декабристов» они избегали пользоваться, предпочитая говорить о «восстании декабристов». Акцент на восстании, планах восстания, даже «бунте декабристов» имел понятных внешних по отношению к науке адресатов в лице партийной власти, готовой разрешать и поощрять разработку истории революционеров, но отнюдь не «классово чуждых» дворян-либералов, к тому же царских офицеров. Вместе с тем, перечитывая созданные в те годы работы (которые мы не случайно до сих пор цитируем), я не могу считать такой подход лишь авторским лукавством, игрой с властью в поддавки. Ученые той эпохи своими глазами наблюдали вооруженные восстания, революции, гражданскую войну, — разве должна была им казаться надуманной, преувеличенной готовность декабристов к выступлению? Иное дело мы, обитатели времен значительно более упорядоченных, когда даже самые радикальные бунтари замахиваются не более чем на несанкционированный митинг или мелкую драку с полицейскими, а идея взяться за оружие представляется баснословной и фантастической, уделом немногих отверженных маргиналов? Естественно, что термин «восстание декабристов» давно уже сменился на «движение декабристов», а реальная их готовность к восстанию ставится исследователями под серьезное сомнение, прочитывается как специфическая для их эпохи форма речи. Сможет ли кто-то полностью исключить, отрешиться от свойственной своему времени «позиции наблюдателя» и окончательно, раз и навсегда прийти в этом вопросе к последней, объективной истине? Вряд ли. А вот поиск собственного ответа на подобные вопросы будет вновь и вновь актуален для новых поколений историков и читателей.

Современные декабристские исследования спокойно развиваются в собственной логике. Да, хотелось бы видеть большее количество работающих в этой области ученых, более интенсивно выходящие труды, — и как раз это ощущение недостаточности сделанного тоже показывает, что возможности развития темы далеко не исчерпаны. Появляются всё новые статьи, несмотря на уже введенный в оборот огромный корпус источников, выявляются и публикуются неизвестные ранее документы. Выходят книги, переосмысляющие место декабризма в интеллектуальном ландшафте своего времени (как книга С. В. Мироненко «Александр I и декабристы»[1]) или представляющие обновленный взгляд на сами тайные общества как социальное явление (В. М. Бокова «Эпоха тайных обществ»[2]), появился и новый солидный обобщающий труд (Т. В. Андреева[3]).

По-моему, можно говорить о том, что в постсоветские годы исследователи уделяли недостаточно внимания идейной стороне движения декабристов, конституционным проектам, политической и общественной мысли. А именно эти вопросы находились под наибольшим давлением в советское время и более

других нуждаются в свежем прочтении. Вместе с тем, подозреваю, что как раз этот аспект может стать новой «точкой входа» для пробуждения современного читательского интереса к декабристам. Чего они хотели, что критиковали в государственном быте России, сколь много в их движении было нравственного пафоса, какое место они занимают в интеллектуальной истории нашей страны — всё это, кажется, вопросы, которые давно пора обсуждать на современном языке с широкой аудиторией, которая к этому разговору готова и даже ждет его. Мы же пока можем предложить публике только давние труды, написанные в рамках советской марксистской парадигмы, совсем не соответствующей современному интеллектуальному запросу.

Применительно к читательской аудитории, чуть более широкой, нежели собственно специалисты по истории декабризма, сейчас сложилась вообще причудливая ситуация. Нормальная логика научной разработки столь уже фундаментально изученной темы предполагает выбор исследователем всё более узких, специальных аспектов, смысл которых для неспециалистов даже из числа гуманитарных ученых уже неочевиден. Стороннему читателю становится сложно понять, зачем писать статью о каком-то эпизоде из биографии малоизвестного ему персонажа, или уточнять подробности события, которое само по себе кажется ему не слишком значительным. Наряду с этим существует вопиющий дефицит более-менее обобщающих, доступных и интересных широкому читателю работ. Вопрос слушателя популярной лекции или редактора образовательного интернет-проекта о том, что можно почитать, какие 5–10 книг рекомендовать заинтересованному читателю, лично меня ставит в тупик. Что можно порекомендовать? Не предлагать же обратиться к двухтомному труду М. В. Нечкиной. Не уверена, что даже столь популярные и увлекательные в свое время книги Н. Я. Эйдельмана способны увлечь современного молодого человека и ответить на занимающие его вопросы. Поразмыслив, я обнаруживаю, что наличная литература или слишком специальна, или архаична, и к тому же по большей части написана тяжелым академическим языком, способным отпугнуть читателя. Представляется, следовательно, что главный на данный момент вызов для нашего научного направления состоит в необходимости исправить эту диспропорцию, подумать об изложении актуальных представлений сути и истории декабризма для более широкой читательской аудитории. Что ни в коем случае, конечно, не отменяет продолжения углубленных академических штудий.

[1] *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016.

[2] *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003.

[3] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009.

УДК 930.1
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00033

С. Е. Эрлих

Декабристы. История мифа

1. Почему западные слависты игнорируют героев 14 декабря?

Тема декабристов была популярна еще до большевистской революции и сверхпопулярна в советское время. Список литературы о «дворянских революционерах» составил четыре объемистых библиографических указателя, включивших почти 20 тыс. научных, публицистических и беллетристических публикаций. Это был самый популярный сюжет дореволюционной русской истории. Советские историки писали о декабристах больше, чем о реформах Петра I, Екатерины II и Александра II, больше чем о Северной войне 1700–1721 гг., Отечественной войне 1812 г. и Великой войне 1914–1918 гг.

На этом публикационном фоне зарубежная историография выглядит парадоксально. В годы «Холодной войны» на Западе, прежде всего в США, значительные средства вкладывались в изучение языка, культуры и истории вероятного противника. Была создана обширная историческая литература о России. В ее составе мы с трудом найдем 20 публикаций о декабристах.

Чем вызвана эта тысячекратная диспропорция? Объясняется она тем, что западные исследователи не подвержены кодам русской культуры. Они смотрят на нашу историю рационально и видят то, что не замечаем мы, а именно — что историческое значение деятельности декабристов в сравнении, скажем, с петровской модернизацией и великими реформами середины XIX в., ничтожно.